

Людмила Герасимова

Абонемент в прошлое

Глава 1

Взрыв на заправочной станции

Максим гостеприимно распахнул переднюю дверь светлой «Мазды». Девушка отрешённо села в кресло и, услышав «пристегнитесь», потянула ремень безопасности — взгляд скользнул по пятну на кофточке, и она покачала головой.

— Может, теперь скажете, как вас зовут? — спросил он, выезжая с парковки.

— А зовут все по-разному, — равнодушно ответила пассажирка, рассеянно глядя через стекло на дорогу. — Еленой, Леной, Алёной, Алёнкой, Ленусей.

— Значит, Еленой! — констатировал факт водитель и, взглянув на девушку, уточнил: — Прекрасной или Премудрой?

Она фыркнула, как молодая кобылка. Максим поглядывал на неё. И правда, похожа на подростка жеребёнка: тонкая, длинноногая, с прямыми каштановыми волосами ниже плеч, ровной чёлкой над бровями врзлёт. С удовлетворением отметив про себя насмешливый

взгляд зелёных, слегка раскосых глаз в ореоле пушистых ресниц, нежную персиковую кожу на высоких скулах, тонкий профиль и капризный рисунок неровно подкрашенных губ, он сделал вывод, оказалось, вслух:

— Пожалуй, Прекрасная!

— Что? — не поняла Лена, думая о чём-то своём.

Максим вырулил на дорогу:

— Так куда едем?

— К бабушке.

— А где живёт наша бабушка? — терпеливо переспросил он, пригладив свободной рукой короткие светло-русые волосы.

— А! В районе Марьиной рощи.

— Далековато, — то ли вздохнул, то ли обрадовался водитель. — Придётся заправиться по дороге.

Пассажирка кивнула, продолжая смотреть перед собой. В салоне на время воцарилось молчание. Затем она произнесла:

— Кажется, я потеряла работу: меня уволят за прогул.

— А хотите, я пойду с вами и объясню вашему начальнику, как всё случилось. Ведь я свидетель.

— Нет! Ни в коем случае! Будет ещё хуже!

— Почему? — не понял Максим и, не дождавшись ответа, предложил: — Тогда надо взять больничный!

— Кто же мне даст? Я ведь здорова!

— У меня есть приятель — врач. Вот заберём ваш ключ у бабушки, вернёмся к вам домой за паспортом и полисом и поедем к нему в поликлинику.

— Почему вы мне помогаете? — наконец взглянула на Максима Лена и с удивлением подумала: «Надо же, глаза какие синие!».

— Видно, суждено мне быть сегодня вашим ангелом-хранителем, — ответил он, поворачивая к заправочной станции.

Далеко впереди в том же направлении двигалась красная «Ока». Сильная «Мазда», быстро сокращая расстояние, догоняла крохотную машинку.

— А вам на работу не надо? — поинтересовалась пассажирка. — Вас самого не...

Воздух всколыхнул оглушительный взрыв; и последнее, что увидела перед темнотой Елена, — море огня на заправочной станции и красную «Оку», кубарем летящую на них.

Глава 2

Легко без тела, но очень жаль себя

Лена медленно приходила в себя. Она куда-то ехала на спине головой вперёд в странном беззвучном пространстве. Над ней нависло белое небо с большими круглыми звёздами, выстроенными, как на параде, ровными рядами. Хотелось оглядеться, но от боли закрылись глаза: в голове разрастался огненный шар, он заполнил всё пространство внутри и горячей лавой потёк из ушей и глаз. Движение прекратилось. Её взяли за ноги и под плечи и, поддерживая голову, осторожно переложили на твёрдое и холодное...

Боль внезапно ушла. Стало легко и приятно! Сверху можно наблюдать за вознёй людей в голубых костюмах, шапочках и масках — безликих, безмолвных, суесящихся над неподвижным телом, опутанным проводками и трубками.

— Ой! Так это же я! — догадалась Лена.

Захотелось спросить, что происходит, но губы почему-то не слушались, и голос не звучал. Надоело висеть под потолком, и она вылетела сквозь матовые стеклянные двери в пустой коридор. Он уходил далеко вперёд и заканчивался особенным, манящим светом. Лену потянуло туда: казалось, там спасение, нечто прекрасное, чего

желала она все двадцать лет своей жизни, и там она обретёт полное счастье.

И она устремилась к свету, пока непонятная сила не удержала её, и Лена оказалась внутри палаты у кровати, где с трубкой во рту лежал её спаситель, а рядом в прозрачном цилиндре с лёгким шумом равномерно поднималась и опускалась гармошка. От его левой руки тянулись провода к аппарату — по экрану с противным писком бежали кривые дорожки. Девушка опустилась на край кушетки, пытаясь рассмотреть в полумраке Максима. Именно такие лица рисуют настоящим героям: высокий открытый лоб, почти сросшиеся на переносице тёмные брови, прямой нос и волевой, чуть раздвоенный подбородок.

Неожиданно та же невидимая сила потянула её назад, в операционную, и она снова зависла над распластанным телом. От него, снимая маски, понуро отходили одинаково одетые люди. В тишине печальным эхом прозвучал мужской голос:

— Надо сообщить родственникам. Такая молодая! Красивая! Ей бы жить да детей рожать...

Стало невыносимо жаль себя ту, одиноко лежащую на белом столе, и Елена плавно вернулась в свою оболочку. Монотонный печальный звук сменился радостным пиканьем, и люди в операционной метнулись к ожившей больной.

Глава 3

Воспоминания Лены о злосчастном утре и аварии

Игривый солнечный зайчик прыгнул на бледное лицо спящей девушки, скользнул по бинту на голове и уселся на правое веко, щекоча мягким светлым теплом тонкую нежную кожу. Лена открыла глаза и тут же зажмурилась: в окно над короткими белыми больничными занавесками потоком вливался мощный солнечный свет. Совсем как в то злополучное утро, когда её разбудили солнечные лучи и она обнаружила замершие в три часа ночи стрелки будильника и разрядившийся мобильник, а мелкие цифры внизу экрана телевизора показали восемь часов двенадцать минут. Ей бы тогда остаться дома, и не было бы операции и больницы, но она сбросила на пол ночную рубашку и заметалась по квартире, на ходу пытаясь застегнуть непослушный лифчик.

— До работы меньше часа! Кому сказать, не поверят: отказали сразу два будильника! — бормотала она, вскочив в ванную и плеснув в лицо водой.

В комнате Лена схватила одежду, севший телефон и зарядное устройство — в прихожей всё полетело на комод. Она впрыгнула в узкие джинсы,

извиваясь змеёй; тесная водолазка с трудом налезла на вспотевшее тело. В зеркале отразилось бледное лицо с горящими глазами, дрогнувшая рука криво нарисовала оранжевый овал на губах, щётка дважды чесанула длинные волосы. Туфли, к счастью, ждали перед дверью. Больно вывернув левую ногу и чуть не сломав каблук, Лена открыла замок и, дёрнув висевшую на вешалке сумку, шагнула за порог, но тут же рывком была возвращена назад.

— Что за чёрт! — оглянулась она.

Сумка, обвившись ремешком вокруг крючка, не хотела покидать законного места. Лена со злостью дёрнула её на себя — тонкий ремешок издал жалобный звук и, вырвав крючок из гнезда, больно хлестнул по руке. Ладонь разжалась — сумочка упала на палас, всё содержимое вывалилось и раскатилось.

— Да что сегодня происходит?! — сквозь слезы вскрикнула Лена и поползла на коленях по полу, заталкивая рассыпавшиеся предметы в сумку.

Плюнув на помаду, призывно блестящую золотистым футляром из-под комода, она выскочила на площадку, в сердцах хлопнув дверью. Вот удача! Створки лифта гостеприимно разъехались, девушка влетела внутрь и со вздохом облегчения нажала на кнопку первого этажа. Двери медленно соединились, кабинка, вздрогнув,

отправилась вниз и через пару секунд с лёгким скрежетом встала. Всё погрузилось в крошечную тьму.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — закричала, топая, Лена, одновременно нащупывая кнопки и давя на все подряд. — Люди! Кто-нибудь! Спасите! Откройте меня!

Со стороны площадки, сверху, послышался мужской голос:

— Давно застряли?

— Ой, давно! — соврала Лена. — Сделайте что-нибудь! Я на работу опаздываю!

— Не волнуйтесь так. Объясните начальнику, что случилось.

— Меня уволят! Не стойте! Сделайте же что-нибудь! — взмолилась она.

— Подождите минутку! Я топор возьму, — произнесли с той стороны, и Лена осталась в темноте и тишине.

— А зачем топор? — спохватилась пленница. — Вы хотите двери взломать?

Никто не ответил, и она принялась давить на бесполезные кнопки.

Снаружи донеслось кряхтение, между створками появилась узкая светлая щель, вверху которой с трудом поворачивалось лезвие топора. Двери отжались, и на уровне глаз обрадованной девушки возникло мощное межэтажное

перекрытие. Сверху в кабинку заглянуло симпатичное лицо молодого мужчины и приветливо улыбнулось:

— Здравствуйте! Ну, как вы там?

— Не видите? Превосходно! — огрызнулась Лена, ощущая себя мухой в банке. — И что теперь мне делать?

— Выбираться, наверное! Вы как предпочтёте: наверх или вниз?

— Наверх я не допрыгну! Значит, вниз. А я пролезу в щель? — усомнилась она. — А вдруг лифт поедет?

— Если боитесь, сидите на месте, а я с вами побуду, пока лифтёр не придёт.

Лена присела и с опаской выглянула вниз:

— Вы мне что предлагаете? Прыгнуть отсюда? Так и ноги переломать недолго!

— Я поймаю вас, только спущусь на этаж! А хотите, давайте за руки вытащу наверх, — спокойно предложил широкоплечий незнакомец, продолжая сидеть на корточках и сверху рассматривая попавшую в западню девушку.

— А силы хватит? Не уроните? — ещё сомневалась она.

— Ну, если в вас не больше ста килограммов! — хохотнул он.

— Не больше! — буркнула Лена, встав на цыпочки и подняв вверх руки и сумочку.

Мужчина наклонился и схватил выше запястий доверчиво протянутые девичьи руки. Лёгкая ноша, слегка ободрав живот, стремительно вылетела из кабины, как чёрт из табакерки, и очутилась верхом на поверженном спасителе.

— Быстро убирай ноги! — просипел мужчина и проехал по скользкой плитке подальше от лифта.

Двери тут же закрылись, и кабина поползла вниз.

— Видите, успели! — радостно сообщил он, принимая сидячее положение вместе со спасённой девушкой.

— Да вы меня чуть не убили! — задохнувшись от страха, еле выговорила Лена, сползая на пол.

Молодой человек проворно вскочил на ноги и помог встать ей. Лена принялась отряхиваться и, коснувшись живота, застонала. На счёсанной коже выступили капельки крови. Высокий спаситель, заправляя бледно-розовую рубашку за пояс серых брюк, наклонился рассмотреть ссадину, поцокал языком:

— Надо кофточки длиннее носить для безопасности. А ранку необходимо продезинфицировать.

Лена заметила грязь на одежде, вздохнула:

— Похоже, я катастрофически опоздала. Придётся вернуться домой, переодеться.

И она пошла по ступенькам наверх — незнакомец остался на площадке.

— Почему не уходите? — обернулась она.

— Да вот жду, когда «спасибо» скажут. Я — Максим.

Девушка фыркнула и побежала на восьмой этаж. Рука никак не нащупывала ключ в маленькой сумочке, пришлось содержимое вывалить на коврик перед дверью. Увы, ключа среди вещей не оказалось.

— Нет! Ну что за день! — взвыла Лена. — Мне сегодня определённо нельзя было выходить из дому! Лучше бы я осталась в постели!

— Что, опять проблемы? — слышался сзади уже знакомый голос.

— Угу! Теперь домой попасть не могу — ключ остался в квартире. Что вы за мной всё ходите? Больше дел никаких нет? Слушайте! Может, вы маньяк? — с вызовом спросила она, глядя снизу вверх на мужчину.

— Маньяк не стал бы вытаскивать вас из лифта, а спустился бы к вам: воспользовался бы ситуацией, — снисходительно улыбнулся Максим. — Похоже, вы сегодня не можете без меня обойтись. Что, дверь будем ломать?

— Нет! Только не это! Есть запасной ключ, но он у бабушки. Придётся к ней ехать, — нехотя объяснила девушка, поднимаясь с корточек.

— Хотите, подвезу? — предложил Максим. — Опасно отпускать вас одну — видно, действительно не ваш сегодня день.

— Ладно, — согласилась она. — На чём повезёте?

— На велосипеде, конечно, — усмехнулся он, наблюдая за её реакцией.

Она только искоса взглянула и зашагала вниз по лестнице, не решившись снова сесть в лифт. Максим вынужден был отправиться следом.

Он распахнул перед ней дверь светлой «Мазды»...

Лена закрыла глаза, стараясь отвлечься от неприятной темы, но яркая картинка снова вернула её в то утро. Она, расстроенная и задумчивая, в иномарке рядом с молодым симпатичным мужчиной, впереди — почти пустое шоссе и маленькая, словно игрушечная, красная машинка. Внезапный грохот взрыва врывается в открытые окна, встряхивает автомобиль. Впереди, на месте заправочной станции, плещется море огня. Побледневший Максим, сбросив скорость, пытается затормозить, но красная «Ока», кувыряясь по дороге, стремительно приближается к ним.

Глава 4

Как пропавшую Лену искала подруга

На третьи сутки после операции к Лене, переведённой из реанимации в палату интенсивной терапии, пустили подругу. Анастасия, невысокая сдобная блондиночка с наивными васильковыми глазами и ямочками на щеках, оживлённо чирикала, будто явилась на именины. На тумбочке выросла гора из яблок и апельсинов, и Настя начала рассказ об истории поиска пропавшей Лены:

— Представь, как я удивилась, когда не обнаружила тебя на рабочем месте! Дальше хуже! На звонки не отвечаешь, дверь не открываешь! На следующий день та же история! Пришлось тащиться через весь город к твоей бабушке. Нет! Не бойся! Я не стала её пугать. Просто спросила, не оставила ли у неё свои конспекты лекций, когда в последний раз мы к ней заезжали с тобой. Она, правда, поинтересовалась, почему я у тебя не узнала. Да я наплела, что только сейчас вспомнила, когда в этом районе оказалась. Потом она меня чаем угостила, и я уехала вся в непонятке, куда ты могла деться. Ленусь, очень больно? Тебе апельсин почистить?

— А мне можно? — слабым голосом спросила больная.

— Отчего ж нельзя? У тебя ведь голова пострадала, а не желудок! Тебе витамины нужны, ты же одни каши да супчики ешь?

— Почти не ем. Здесь всё такое безвкусное! Так как ты меня нашла?

— Вернулась от твоей бабушки и стала звонить по больницам. Настроена была решительно во что бы то ни стало разыскать тебя. Слава Богу, не пришлось в милицию и морги обращаться. Практически сразу тебя нашла. Знаешь, в новостях показывали взрыв на заправке, сообщали о жертвах и пострадавших, но у меня и в мыслях не было соединить твоё исчезновение с этим взрывом. У тебя ведь машины нет, как ты там оказалась? На такси на работу ехала?

— Нет. Я потом тебе всё расскажу. Ты выполни мою просьбу. В мужском отделении лежит мужчина, звать Максимом, поступил вместе со мной. Узнай, как он! — тихо, с паузами, попросила Лена.

— Так это ты в его машине ехала? — захлопала светлыми ресницами Настя. — Ты мне ничего о нём не рассказывала! — с обидой протянула она.

— Это не то, что ты подумала. Пойди сейчас! — взмолилась Лена.

Подруга выпорхнула за дверь, а больная, с трудом подняв руку, осторожно коснулась головы: толстый слой бинта, а где волосы? Рука бессильно упала на подушку, Лену бросило в жар. Слева зазвучал бесцветный голос:

— Волосы сбривают перед операцией — они же мешают. Да ты не переживай! Лишь бы операция прошла без осложнений, а там и шрам зарастёт, и косы заплетать будешь.

Лена с трудом повернула голову на звук, скосила глаза: на кровати у окна женщина средних лет. Тёмный байковый халат распахнут, под ним высокий, до подбородка, белый гипсовый корсет.

— А с вами что случилось? — преодолевая тупую боль в голове, спросила Лена.

— В нашем отделении все с травмами лежат. А я здесь уже почти месяц — сил нет, домой хочу. Вот обещали скоро отпустить, только корсет ещё нельзя сымать, — женщина ещё говорила что-то себе под нос, когда в палату вернулась Настя.

— Я всё узнала! Этот Максим лежит на втором этаже в двадцать четвёртой палате. У него травма грудной клетки: сломанные рёбра повредили лёгкие. Сейчас ему лучше, уже отключили от аппарата искусственного дыхания.

— Спасибо, теперь мне спокойней.

— А ну, подруга, колись: любовь с первого взгляда или с первой поездки?

— Нет, не то! Просто он из-за меня попал в аварию!

— Как это? Не ты же взорвала заправку! — не поняла Настя.

— Просто мне с утра не везло, а он меня

выручал.

— Так куда вы ехали?

— К бабушке за ключом — я квартиру захлопнула.

— А заправка при чём? Бабушка не там живёт!

— Бензина бы не хватило до неё доехать, — устала объяснять Лена и прикрыла глаза.

— Ладно, отдыхай. Я к тебе завтра приду.

— Насть! Я тебя очень прошу! Забери у бабушки ключ от квартиры.

— А если она спросит, что это я второй раз приезжаю без тебя, да ещё за твоими ключами?

— Ну, сама придумай какую-нибудь историю. У меня голова не хочет соображать: все шарики с роликами перемешались. Знаешь, мне кажется, я совсем не сплю.

— Так почему снотворное не попросишь? Давай схожу к медикам! Что это они так к тебе относятся? А! Понятно! Ты же сама деньги не давала! Вот завтра привезу да поговорю с лечащим врачом. Кто тебя ведёт, знаешь? — тарактела Настя.

Лена поморщилась:

— Ты меня не поняла: мне колют и обезболивающее, и снотворное — вместе, и я всё время хочу спать. Но когда закрываю глаза, вроде не сплю, а перемещаюсь в другой мир... Я так

устала! Не понимаю, что со мной происходит. Если это сны, то почему такие реальные?! Раньше таких не видела!

— А ты врачам говорила? Может, это лекарство тебе не идёт, от него галлюцинации? — встревожилась Настя.

— Говорила. Они уже трижды меняли препараты и дозы, а видения продолжаются!

— Да что за видения? Страшные? Ты опять аварию видишь?

— Нет! Аварию не вижу. А видения как фильмы. Вернее, один фильм с продолжением... Вроде сериала. И везде я в главной ... роли! — всё медленнее говорила Лена, отдыхая между словами. — Только я другая... И живу не сейчас, не в нашем времени, а давно-давно... Или это место, где нет цивилизации...

— Очень интересно! — присела на кровать Настя. — Расскажи!

— Сейчас не могу — голова! И очень спать хочется! — прикрыла веки Лена.

— Вижу, тебе совсем плохо! Давай отдыхай! Завтра поговорим!

Глава 5

Сон о Радуне: жатва, трапеза, страх перед свёкром

Жара! Солнце в зените! Капает пот со лба и носа. Монотонно жужжат мухи, лезут в глаза. Дурманит резкий запах полыни. Ломит спину от тяжкой работы в наклон. Исколоты стеблями спелых колосьев руки и босые ноги. Пить! Как хочется пить! Машет серпом Радуня — падают слева и справа ровные валки. Надо спешить. Следом идут, наступая на пятки, муж и его сестра, вяжут колосья в снопы.

Вчера было легче: свёкор работал косой, они втроём вязали. Теперь пропадает в лесу, выбирает крепкую палку — вчера рукоять треснула. Никак не идёт свекровь — пора бы еду принести да воду. Нет сил!

Никогда так не работала Радуня в отчем доме. Жалели сестру три старших брата, обходились в поле без неё. Она с радостью носила еду, следила за их ладной работой. Мастерили братья из соломы человечков, и плела она куклам из травы зелёные косы.

Теперь Радуня видит мать и братьев редко, если разрешит свёкор или удастся уговорить мужа сходить в гости к её родне. Муж соглашается быстро, коль пообещаешь сладкой каши из репы, киселя из лебеды или молочка козьего: Варнава ещё мал и очень любит поесть.

— Радуня! Вон мати с узелком! Идём под

деревья! — зовёт тоненьким голоском конопатая золовка Васёна.

Радуня с трудом выпрямляет спину, из-под ладони глядит на тропинку во ржи: спешит, торопится свекровь, поправляет на голове выцветший платок, колышется под рубахой большая грудь.

— Э-э-эй! Ба-тя-тя! — кричит заливисто Варнава. — Иди трапезничать!

А вот и мать! Взмокла от жары и быстрой ходьбы, и полнота нездоровая мучает. Развязала узел, раскрыла еду. Не смеют взять женщины и куска лепёшки, выпить и глотка прохладного кваса, пока не позволит хозяин.

Восьмилетняя Васёна, жуя на ходу травинку, резво бежит в лес за отцом. Варнава от нечего делать дёргает жену за длинную косу. Дёргает больно, смеётся заливисто, щиплет её за бока. Терпит Радуня: пусть тешится — мал ещё, всего на три года старше сестры. Подрастёт — бить начнёт, а так — просто шалости. Хуже свёкор. Боится его Радуня. Почти каждую ночь берёт он сноху силой, грубо подминает под себя, зажимая ей рот вонючей лапой, больно тискает её небольшие тугие перси. Первый раз это случилось перед пахотой, когда Радуню сосватали в семью Миная, в которой не хватало работников, а вернее рабской силы.

Вдова Петра подумала-подумала, спросила

совета у сыновей: жалко дочку, пригожую да румяную. Но ведь время пришло: уж пятнадцатый год пошёл, а где жениха потом сыщешь? В деревне, кроме них, их бабки-ведуньи и семьи Миная, ещё четыре двора. А там мужики женатые, а женихи ещё младше Варнавы...

Ложится в траву Радуня, подкладывает под голову локоть, натягивает на глаза платок — с каждым днём всё труднее работать, будто силы уходят в землю. Устраивается рядом малолетний муж, толкает нечаянно острой коленкой в спину жену. Радуня, успев задремать, резко садится и вдруг ойкает, схватившись за живот: дёргается что-то в чреве, потом ещё и ещё.

— Что орёшь? Травы какой наелась? — лениво вопрошает свекровь.

— Не знаю, животом маюсь. Надо к бабке сходить за отваром.

— Сходи, сходи. Коль хозяин позволит.

Из-за деревьев несётся весёлый голосок Васёны. Подскакивает к брату, показывает жалейку:

— Смотри, батяня из прутика вырезал. Слышишь, свистит!

Что есть силы дует в дудочку — из неё только свист и шипенье.

А вот и сам, хмурый, кряжистый и корявый, как дуб, хозяин — Миная. Тащит в крупных

лапищах три крепкие палки, кладёт под куст. Лучшее место у расстеленного платка его. Вытягиваются в сторону жены пыльные ноги с загнутыми вниз чёрными когтями. Берёт двумя руками потный глиняный кувшин, опрокидывает в раззявленную пасть — только кадык ходуном ходит. Сын, дочь, сноха и жена следят, глотая пересохшим горлом воздух. Хозяин оставляет кувшин, выбирает лепёшку крупную, складывает вдвое, заталкивает в рот. Жуёт, раздувая щёки, тяжёлым взглядом оценивает каждого. Берёт ещё две, хлебает квасу, мычит что-то разрешающее. Первым припадает к кувшину сын, затем дочь, потом жена, и вот кувшин, обойдя круг, попадает в руки Радуне. Нагрелся глиняный сосуд и кажется подозрительно лёгким. Прижимает она к горлышку губы и запрокидывает голову — в рот стекает полглотка, падает на горячий язык ещё несколько капель кислой влаги. С трудом жуётся кусок пахучей лепёшки, царапает сухой язык, застревает в горле. Давится Радуня, надсадно кашляет. Свёкор, дотянувшись, хлопает с силой сноху по лопаткам:

— Квёлая досталась девка, не работница.

— Пусть ходит к бабке Манефе, от отваров силы возьмёт, — просит жена.

Исподлобья глядит на сноху Минай, качает укоризненно головой, изрекает, поднимаясь на толстые кривые ноги:

— В поле пора! Завтра пятница — грех работать. Вот Васёнка с ней и сходит, да к ночи чтоб воротились!

Глава 6

Утро в больнице

Лена открыла глаза — нет ни поля, ни солнца, ни страшного Миная. Перед ней медсестра со шприцем и запахом спирта:

— Доброе утро! Давайте попку.

С трудом повернувшись на правый бок, больная потянула со спины одеяло. Сестричка задрала ночную рубашку на ней — холодное прикосновение, резкий шлепок, и «вот и всё, подержите ватку. Вас опять мучили кошмары? Вы стонали во сне!».

— Да! Опять! Всё так реально! Мои ноги и руки исколоты соломой, — Лена поднесла к глазам гладкие узкие ладошки с длинными пальцами. — Ничего нет!

Она потрогала под одеялом живот (не болит!) и попросила:

— Вы скажите доктору.

Из коридора послышалось громкое «все на завтрак» — соседка метнулась на зов. Медсестра, захватив пустой шприц, покинула палату, и Лена осталась одна. В дверь заглянула пожилая

санитарка:

— Милая, что не идёшь завтракать? Вставать нельзя или не хочешь?

— И то, и другое, — вяло улыбнулась Лена, без аппетита кусая твёрдое яблоко.

— А может, тебе манной каши принести или маслице на хлебушке?

— А чай есть?

— Так я несу?! — с готовностью отозвалась добрая женщина и через пару минут заботливо кормила «бедную девочку», усадив её повыше.

Глава 7

И снова сон о Радуне

— Не грустите, вы скоро будете дома, — заговорила Лена с соседкой — та печально смотрела в окно.

Женщина тяжело вздохнула, прежде чем обернуться:

— Некому меня забрать. Врачи сказали, что за мной надо ухаживать, поэтому не выписывают!

— У вас же есть сын и сноха! Они вас и заберут, — успокаивала Лена.

— Так они писали, что не могут: у них там работа, начальство не отпускает. Да и дорога долгая, и много денег надо, — будто оправдывалась женщина.

— Они уже едут, так что скоро будут здесь.
Соседка обошла койку и села лицом к Лене.

— У меня сын хороший! Только вот далеко уехал по работе, там и жену нашёл. Теперь я живу одна, — она подняла голову и удивлённо спросила: — А как ты угадала, что у меня есть сын? Я вроде не рассказывала.

— Даже сама не знаю. Вдруг увидела, как вы здесь обнимаете молодого мужчину. Я поняла, что это сын ваш. Невысокий такой, с короткими светлыми волосами. Да? Гладите его руку, называете Павлушей. Но он не один. С ним ещё молодая женщина. Лицо у неё круглое, симпатичное, на носу много веснушек. Она немного полновата. А потом их увидела в купе поезда: Павел читает газету, а Вера раскладывает на столике еду. Да, вас хочу предостеречь: нельзя вам больше работать на кране. Ведь вы упали, когда поднимались наверх? Хорошо, живы остались. Это вам предупреждение: если не поменяете работу, погибнете. Сделайте выбор... Анна Петровна, кажется?

— Павловна, Анна Павловна, — механически исправила женщина, пораженная информацией.

Бледная девушка с забинтованной головой неторопливо продолжала:

— Тем более, скоро у вас появится внучка. Вот и понянчитесь! Вам нельзя работать на кране,

лучше помогите молодым родителям.

— Неужели правда? Вера беременна? А почему они скрыли от меня? — соседка приложила ладони к зардевшимся щекам. — Так когда малыша ждать?

— Через восемь месяцев — ваши-то ещё об этом не знают.

— Не понимаю, как это у тебя получается, но ты угадала. Я и вправду поднималась на свой кран, и как-то нога подломилась и не попала, окаянная, на ступеньку. Бр! Даже сейчас страшно вспомнить! Хорошо, до земли было метра четыре. А если б до кабинки добралась, так и костей бы не собрали. Теперь и сама наверх не полезу. А ведь шестнадцать лет на кране проработала... Мужики из бригады боялись высоты. Меня уважали... Называли «нашей орлицей». Теперь нет орлицы... Осталась только курица.

Женщина призадумалась, затем спросила:

— А тебя, я слышала, Леной зовут?! Ты во сне всё плачешь и стонешь. Так сильно голова болит?

— Голова сейчас почти не болит — мне укололи обезболивающее. А во сне плачу? Так со мной такое происходит, что впору вешаться!

— Что ты! Что ты! — забеспокоилась Анна Павловна. — Разве можно так говорить? Вот ты попала в аварию, но осталась жива! Операцию хорошо сделали. Скоро на поправку пойдёшь. Всё

будет хорошо! Стоит ли из-за снов так переживать? Мало ли что кому приснится! Не убивать же себя каждый раз, как кошмар привидится!

— Вы, наверное, правы. Из-за снов ещё никто не убивал себя! Только я как будто не сплю, а живу другой жизнью. Ну, как вам это объяснить? Я перемещаюсь в какую-то другую реальность. Там меня мучают, заставляют выполнять тяжёлую работу, — и уже чуть слышно добавила: — Насилуют каждую ночь.

— Боже мой! — испугалась Анна, с подозрением глядя на странную соседку.

— Вы сейчас думаете, что я опасная сумасшедшая? — спросила Лена.

Анна Павловна смутилась:

— Нет, ну что ты! Всякое в жизни бывает.

— Я до травмы спокойно спала. Иногда, ну совсем редко, видела самые обычные сны. Часто даже не запоминала, что наплетётся ночью. А теперь стоит закрыть глаза, как со мной происходят такие вещи, которые в моей, настоящей, жизни не могут происходить ни-ког-да! И самое страшное, что всё настолько по-настоящему, что я всё чувствую: и боль, и запахи, и жару. И переживаю, как наяву, — разоткровенничалась Лена, как это часто бывает в поезде или в больнице: рассказываешь малознакомому человеку самое сокровенное в надежде больше его никогда не

встретить. — Правда, звать меня в том мире по-другому. И лет мне около пятнадцати. И мать у меня другая, и есть три брата. А на самом деле я у родителей одна... Но самое страшное: меня отдали в другую семью замуж за одиннадцатилетнего мальчишку — сына Миная, мужика злобного, гадкого, просто омерзительного!

— Да как же это такое может быть? — не поверила Анна Павловна. — Где такое видано? Женить пацанов!

— Вы же изучали в школе историю Древней Руси.

— Ну, ты и вспомнила! Когда это было!

— Всё равно что-то же должны помнить! А я живу будто в двух мирах. В одном, настоящем, лежу в больнице с оперированной головой, мне двадцать лет, у меня однокомнатная квартира, которую мне оставила бабушка, когда переехала в квартиру своей сестры. Я работаю в небольшой фирме и учусь заочно в университете на биологическом факультете. У меня в этом мире нет любимого человека. То есть вы понимаете, что я имею в виду: у меня ещё ни с кем не было близких отношений. А в другом мире мне ещё нет пятнадцати, я живу в небольшой деревне из семи дворов. В каждом дворе изба-полуземлянка, отличается от соседней только размером и высотой. Крыши во всех избах из дёрна, а пол из глины. На

него бросают солому, зимой шкуры животных, и вся семья спит на полу покатом. А печки без труб — дым идёт прямо в избу. В том мире у меня нет отца: его задрал зимой медведь. Домом правит моя мать, ещё у меня есть три брата, все старше меня, но ещё холостые. До замужества меня родные баловали, почти не заставляли работать. А в семье Миная все старшие дети — два сына и дочка — за осень и зиму умерли друг за другом от какой-то болезни. Остались в живых только двое: сын Варнава (ему одиннадцать лет) и восьмилетняя дочь Васёна. Осталась семья без работников, вот и сосватали они меня в начале весны, перед пахотой. Отдала меня мать в эту семью. Думала: пока подрастёт мой муж, не будет меня бить, и я окрепну.

В первую же ночь, как попала я в чужой дом и уснула, как и все, на колючей дерюжке поверх сена, проснулась вдруг от животного страха: на меня навалилось что-то тяжёлое, с отвратительным запахом, отрыгивающее кислятиной. Грубые руки шарили по моему телу, больно тискали грудь. Я стала извиваться, как змея, чтобы выскользнуть из-под этого зверя, крикнула. Не тут-то было: мой рот накрыла вонючая лапа, и тут случилось то, что я на самом деле никогда в своей жизни, настоящей жизни, понимаете, не испытывала, и теперь навряд ли захочу испытать — так это было ужасно и

отвратительно! Это, конечно, был отец моего несмышлёныша мужа. Когда он отвалился наконец от меня и захрапел, я почти без сознания выползла за порог на улицу в мокрой рубахе, чтобы вернуться в родительский дом. Но подняться на ноги и идти не было сил. Только и смогла добраться до лаза в тыне и тут, видно, потеряла сознание. На мёрзлой земле лежала не знаю сколько, пока не очнулась от холода. Опять стала подниматься на ноги, цепляться за прутья изгороди — влажная рубаха замёрзла на мне и торчала колом. При свете луны осмотрела себя: в крови подол, ноги и руки. Я плакала от боли, растерянности, обиды, безысходности. Вдруг сзади на плечо легла мягкая рука — я вздрогнула, боясь обернуться. Оказалось, это свекровь. Она повела меня в хлев и там помогла отмыться, дала свою рубаху, а мою принялась стирать. Я не знала, что делать дальше. Вернуться в избу? Там этот зверь, да теперь и свекровь догадалась — не простит мне мужа. Так думала я, стоя в хлеву, не решаясь ни на что. Свекровь перекинула через перекладину выстиранную рубаху, присела под коровой, нацедила молока в плошку и дала мне в руки. Я пила парное молоко, а она говорила:

— Стерпи, Радуня! Стерпи! Всё стерпитя, всё перемелется. Привыкнешь, а там и Варнава подрастёт. Станешь настоящей мужниной женой.

Лена замолчала, переводя дух и словно переживая всё заново.

Анна Павловна, вздохнув, спросила:

— А что дальше-то было? Так интересно! Расскажи! Я такой фильм не видела! Это ж, бедная девочка, ужас какой! А что мать, братья? Не отомстили выродку этому? В суд на него подали или сами расправились?

— Это действительно похоже на многосерийный фильм: стоит мне закрыть глаза, как начинается новая серия.

— Так больше ты ничего не видела? — раздумянулась от любопытства соседка.

— Видела. И не только видела, но и чувствовала.

— И что там дальше? — торопила Анна, ёрзая на кровати.

— Вернула меня свекровь в избу, положила рядом с собой, а наутро свёкор вёл себя как ни в чём ни бывало: мимо ходит — не замечает. Хорошо, что дождь сильный полил, пахать нельзя было, вот и занялись со свекровью работой в хлеву да по дому. Я тогда ходить почти не могла, но видела, что свекровь меня жалеет. И стала она по ночам класть меня у стены, а сама рядом ложилась, меня собой закрывала. Стала я отходить, к жизни возвращаться. Тяжело было в поле: Минай меня не щадил, заставлял даже за плугом ходить. Прошло

недели две, и хитрость доброй свекрови больше не спасала меня. Этот зверь стал выдёргивать меня за ноги в сени и подолгу измывался надо мной, потом возвращался спать в избу, оставляя меня, истерзанную, в покое. Так повторялось почти каждую ночь.

— А как же братья, мать? Что ж ты не пожаловалась?

— Вы забыли, что я живу в дикие времена и в дикой деревне? Там выданная замуж дочь — отрезанный ломоть! Жаловаться нельзя — муж и свёкор вправе «чинить наказание». Они могут бить для порядка, «в острастку на будущее». Сноха в семье — самый последний человек: самая тяжёлая работа достаётся ей, и последний кусок — тоже её. В семье мужа она настоящая рабыня. Только свёкор или муж могут разрешать ей выйти со двора. Представьте себе, женщины в доме не имеют права есть без разрешения хозяина, не имеют вообще никаких прав! Только вдова становится в своём доме хозяйкой и пользуется уважением у соседей.

— Ужас какой! Рассказывай дальше!

— А дальше пришла пора жатвы. Стали косить хлеб и вязать в снопы, да с поля во двор носить, чтобы кто чужой не позарился на наше добро. Тяжёлый труд от зари до темна да всё на солнце, а мне всё хуже с каждым днём: силы теряю, на солнце слабею, да животом мучаюсь.

Лена замолчала.

— Так дальше что? — поторопила соседка.

— Да ничего больше не видела. Только свёкор разрешил сходить к моей бабке подлечиться травами, дескать, плохую работницу приобрели, нездоровую.

— Так у тебя там и бабка есть?

— Да. Это мать моего погибшего отца. Она живёт одна, прямо у леса, далеко от всех. Её считают ворожеей и знахаркой. Она умеет болезни лечить всякими травами, с богами договариваться, роды принимать, даже судьбу предсказывать. Вот своего сына предостерегала, чтобы в лес не ходил за смертью, а он не послушал, пошёл зимой за дровами и не вернулся. Задрал его медведь-шатун.

Глава 8

Больная пропала

— Собирайся в перевязочную. Пришлю санитарку, поможет тебе дойти, — скороговоркой сообщила медсестра Лене, заглянув в палату.

Через пару минут явилась дородная девица, что называется, «кровь с молоком». С ней вместе вплыл резкий запах пота.

— Кто здесь с головой? — недовольно спросила она грудным голосом.

Лена впервые за последние дни улыбнулась:

— Да, кажется, у обеих пока не отвалились.

Нянька перевела неласковый взгляд на неё:

— Чё лежишь? — беззлобно спросила она. —

Вставай давай. Пойдём, покажу куда.

Лена с трудом приподнялась, опираясь на руку; переводя дух, села — сильно кружилась голова. Санитарка безучастно наблюдала за её телодвижениями.

— Помогай, что стоишь? — возмутилась Анна Павловна. — Или тебя не за этим прислали? Видишь, плохо ей. Одень её и помощи дойти. Она ещё ни разу не вставала самостоятельно.

— Тут у нас барынь нет, — безапелляционно заявила нянька. — Нас тут мало, денег платят гроши, так что всем даром не поможешь!

— А я вот главному врачу на тебя пожалуюсь, — пригрозила Анна.

— Да и пожалуйста! Пусть выгонит меня и сам туалеты моет! — огрызнулась дивчина.

И всё-таки больная «с головой» была поставлена на пол, халат напялен с усердием, и вот Лена, подхваченная за талию крепкой рукой, засемила в процедурную, стараясь реже вдыхать запах здорового немытого тела.

Голодная Анна Павловна поспешила в столовую занять лучшее место — приближалось время ужина. В палату, открыв дверь ногой, с тяжёлыми пакетами ввалилась Настя. Что такое?

Пустая кровать, смятая простыня, на полу одеяло! Сразу сложилась страшная картинка. Кульки рухнули на пол, Настя, как ужаленная, вылетела в коридор. Пост дежурной медсестры оказался пустым, зато палат было немало. Настю интересовал один вопрос:

— В тридцать пятой никто не умер?

Женщины везде одинаково переглядывались, пожимая плечами; одна старушка с загипсованной ногой на растяжке живо перекрестилась и почему-то сплюнула в сторону. Настя бежала дальше, дверь с надписью «Ординаторская» обнаружилась в конце коридора. На стук никто не ответил, пришлось заглянуть внутрь. За столом, направо от входа, с большой чашкой в руке изучал содержание толстого журнала молодой брюнет в джинсовом костюме.

— За глаз не боитесь? — спросила Настя.

Парень вздрогнул и взглянул на девушку:

— Что вы сказали? — переспросил он.

— Не боитесь ложкой глаз выколоть? — повторила она.

Он посмотрел на чашку, усмехнулся и вытащил ложку.

— А вы кто? — спросил симпатичный незнакомец.

— А вы кто и что здесь делаете? — задала встречный вопрос Анастасия.

— Я вообще-то тут работаю. Я — дежурный врач. А вы что хотели?

— Ой, извините! — смутилась Настя. — Вы такой молодой и не в халате.

Доктор водрузил на голову синий накрахмаленный колпак, который очень шёл ему и добавлял солидности.

— Я только заступил на смену и не успел переодеться. А что вы хотели?

— У меня сегодня пропала подруга!

— Ну, это не к нам. Это вам в милицию надо, — не понял он.

— Так она пропала из вашего отделения. Из тридцать пятой палаты.

— Может, выписали днём?

— Какое там выписали! Ей пять дней назад голову оперировали. Ей ещё встать не разрешали! — волновалась Настя. — Она не могла умереть?

— Как фамилия? — открыл доктор журнал назначений.

— Селиванова. Елена. Попала к вам после взрыва на заправочной станции. С травмой головы.

Длинный палец заскользил сверху вниз по строчкам, на одной остановился и передвинулся вправо.

— Её не выписывали и в другую палату не переводили, так что должна быть на месте.

— Но её там нет! Нет, и всё тут! И ходить ей не разрешают. Да она и сама двигаться не может, тем более самостоятельно! Куда пропала ваша пациентка? Что у вас здесь творится? На посту нет медсестры! Никого нет! Ходи, куда хочешь! Больных похищай! — вконец разнервничалась Настя.

— Подождите минутку за дверью, я сейчас переоденусь, и вместе пойдём в палату.

Сергей Игоревич, как гласила надпись на бэйджке, в синем докторском костюме энергично шагнул впереди по ярко освещённому коридору. На посту дежурная медсестра раскладывала таблетки по ячейкам и удивлённо подняла глаза на протопавших мимо дежурного врача и невысокую толстушку.

— Что случилось? — послала она им вдогонку.

— Больная пропала! — бросил через плечо доктор.

— Кто пропал? Может, в туалет пошла или с родственниками на лестнице болтает, — предположила медсестра, но всё же поспешила следом.

В палате все были на местах, когда возбуждённый врач с покрасневшейся Анастасией и удивлённой медсестрой ворвались в помещение. Анна Павловна застыла с ложкой пюре в руке, не

успев донести до рта; Лена, полусидя в подушках, собиралась тоже приступить к ужину.

— Кто из вас Селиванова? — строго спросил дежурный доктор, споткнувшись о пакеты на полу.

— Я-а! — удивлённо протянула Лена, переведя взгляд с врача на сестричку, которая только что ей сделала перевязку. — А что случилось?

— Вы почему гуляете, когда вам предписан строгий постельный режим?! Вам, что, некому судно подать? — нахмурился Сергей Игоревич.

— Я н-не гуляла! — пыталась оправдаться Лена.

Доктор не хотел её слушать:

— Вот будут у вас осложнения из-за вашей же беспечности, тогда врачей обвинять начнёте! Нам нарекания ни к чему! «Пропала больная, пропала больная!», а она неизвестно где бродит! А нам жалобы! — покосился он на смущённую Настю.

— Сергей Игоревич! Из-за чего сыр-бор? Я Селивановой перевязку делала в процедурной, в палате же нельзя. Её осторожно привели и отвели.

— Почему вы делали, а не врач?

— Пациентку утром осматривал Александр Иваныч. Шов хорошо заживает, и он записал мне сделать перевязку, а я утром не успела, да и какая разница? Я же сегодня и в ночную смену, — сумбурно объясняла сестричка.

Лена увидела в левой части лба сердитого доктора тёмное пятно и неожиданно для себя попросила:

— Наклонитесь, пожалуйста!

Дежурный врач приблизил к ней ухо, ожидая услышать нечто по секрету, но странная больная положила ему на лоб прохладную ладонь:

— Сейчас пройдёт боль, закройте глаза.

Сергей Игоревич резко выпрямился, с недоумением и некоторым испугом взглянул на Селиванову, потом на её подругу. Медсестра прижалась к стенке, когда доктор, повторно споткнувшись о брошенные пакеты и нелепо взмахнув руками, пролетел мимо к двери.

— Что это ты вдруг? — усмехнулась Настя, когда медики покинули помещение. — Испугала человека! Ещё смирительную рубашку на тебя наденет!

Со своей кровати подала голос Анна Павловна:

— А она и вправду странная!

— Почему ты странная? — удивилась Настя. — Что ещё натворила? Выкладывай!

— Ты ездила к бабушке? — вместо ответа, спросила Лена.

— Завтра съезжу, не волнуйся! Сегодня шеф задержал, потом вот тебе фрукты покупала. В общем, не успела! Давай я тебя сейчас

покормлю, — придвигая стул к тумбочке, на которой стояла тарелка с уже остывшим сизым пюре и жареным хвостом минтая, взялась за ложку Анастасия: — А тебе наши все передают привет и пожелания скорейшего выздоровления. Голова болит? (Лена, жуя, кивнула.) Чем тебя лечат? (Лена промычала.) Что дают на обед? А нянька ночью подходила? Я вчера деньги дала за ночное дежурство.

Лена ничего об этом не знала, но успокоила Настю:

— Угу, появлялась какая-то. Ты перестань беспокоиться! Не раздавай деньги зря. Вот будешь уходить, меня в туалетводишь.

— Какой туалет? Слышала, что доктор сказал? Тебе ещё нельзя вставать! Только на судно, поняла? А я вынесу! Ты почему яблоки не ешь и апельсины?

— Ты мне их порежь на кусочки, — попросила Лена.

— Вот я дурочка, сама не догадалась.

Анна скучала в постели. Везёт этой странной девчонке: подружка каждый день ходит, вкусности носит. А тут лежишь одна-одинёшенька, ни одна зараза не вспомнит. Правда, дважды был бригадир, но это было давно. Тоже апельсинчики приносил — за шкуру свою тогда сильно испугался... А весёлая какая эта толстушка! Всё чирикает и чирикает. Всё

вертится вокруг этой Лены. А та себе тянет из трубочки сок, ещё улыбается, как нормальная. А сама то ли сумасшедшая, то ли сочинительница, а может, инопланетянка?

Анну всегда интересовало всё загадочное, связанное с пришельцами. Она где-то читала, что среди населения Земли живут тысячи инопланетян и что сейчас многие дети рождаются особенными, со сверхспособностями и неземными талантами. Вот как их называют? Нет, не вспомнить никак. Она спросила у девушек:

— А вы не знаете, как называют особенных детей, которые стали рождаться в последнее время?

— Индиго! — сразу ответила Лена, оставив пустую коробку из-под сока.

— Индиго! — повторила соседка вслух, а про себя подумала, что и слово она знает, и перемещается во времени, и внешность какая-то непростая, да с травмой головы попала — всё сходится! Инопланетянка! А вторая знает об этом? Или тоже из них?

Анна, осторожно приняв вертикальное положение, набросила халат на плечи и, прихватив грязную посуду, вышла из палаты, на ходу размышляя о своём открытии и решая, что с ним делать.

— Да! — остановилась она на пути к раздаточной, вперив взгляд в скелет рыбы на

тарелке. — Если соседка не сумасшедшая, я завтра увижу сына! Посмотрим, посмотрим, какая из неё пророчица!

Глава 9

Сон о Радуне: в избушке бабки Манефы, лесное озеро, избавление от бремени

Спешит Радуня к бабке, не оглядывается: хочет скрыться от ежедневного кошмара; бежит Васёна вприпрыжку следом, на ходу срывая конский щавель, подорожник, мяту — всё тянет в рот, жуёт, кривится и сплёвывает на землю жидкую зелёную кашу.

Протоптана дорожка к лесу — на краю стоит покосившаяся избушка бабки Манефы: часто наведываются сюда бабы со своими бедами. Обходят стороною мужики этот двор: боятся одинокой смелой вдовицы, считают ведьмой. А вот и сама бабка навстречу вышла, хлопнула себя по бокам. Заспешила навстречу внучке.

— Радуня! А я сон видела — ждала тебя.

В низенькой избушке полумрак: слабо проходит свет сквозь бычий пузырь на маленьких окошках. Висят над головой пучки разных трав, их свойства знает только ворожея. Булькает что-то на

печке в котле, обволакивает дурмящий запах, кружится у Радуня голова. Опускается она на лавку, опирается спиной на бугристые стены, мох между брёвнами щекошет нежную шею. Так хорошо, как в детстве! Так бы сидеть на этом месте всю оставшуюся жизнь!

Смотрит бабка на внучку, качает укоризненно головой. Молча ставит на стол лепёшки, в черпаке горячий пахучий отвар. Потчует Васёну, гладит по голове — засыпает девчонка, не доев, уронив голову прямо на стол. Бережно переносит Манефа обмякшую Васёну на лавку за печкой, достаёт из-под лавки кусок конопляной новины, берёт за руку внучку и ведёт в лесную чащу. Молчит Радуня, ступает по траве босыми ногами, послушно идёт рядом с бабкой. Молчит Манефа, увлекает внучку всё дальше и дальше в лесные заросли, пока не открывается взору огромная поляна с озером прозрачной воды.

Стаскивает бабка с Радуня рубаху, перешагивает через свою сброшенную одежду, тянет внучку за собой в озерцо. Боязно девушке входить в него — ступни чувствуют холод. Но Манефа уже по грудь в воде, оглядывается на внучку и вскрикивает: всё юное тело в синих отметинах. Возвращается бабка, оглаживает Радуню, поворачивает спиной, потом лицом, проводит влажной ладонью по чуть выпуклому

животу.

— Мал ещё Варнава! Что? Минай?! — страдает Манефа.

Молчит внучка, только капают на грудь слезинки из опущенных долу очей.

Тяжко вздыхает бабка, бормочет что-то под нос. Заводит внучку по пояс в студёную воду, обмывает поруганное тело. Несётся страстный шёпот выше елей — взлетают испугнутые заклинанием птицы. Льётся пригоршнями на расплетённые косы вода. Всё быстрее крутится вокруг Радуня ведунья, растирает ей плечи, грудь, живот и спину, бормоча всё быстрее и быстрее. После на бережку окутывает её новиной, сама надевает длинную рубаху на мокрое тело, подбирает с травы разбросанную одежду и, обняв, ведёт внучку в избу.

Сладко спит Васёна на лавке, свесила руку, улыбается во сне. Сердито колдует Манефа над горшком, опускает в него разные травы, шепчет заветные слова над бурлящим варевом, добавляет медку. Остуживает в плошке, обмахивая длинным пучком пахучих трав, поит внучку и укладывает спать. Спит Радуня, и приходит резкая боль в животе, но проснуться никак не может. Будит бабка внучку, показывает тряпицу в крови с куском розовой, в прожилках, плоти.

— Теперь в твоём чреве нет ублюдка, —

объясняет она, завязывая тряпку в узел. — В лесу закопаю. А ты спи.

День клонится к вечеру — просыпается голодная Васёна. Кормит Манефа девчонку лепёшками, мёдом, говорит с ней ласково:

— Беги домой, чадушко. Скажи Минаю: захворала Радуня, жжёт её огонь, к завтраму на ноги поставлю, — и суёт в руки узелок с гостинцами.

Вот и скрылась в пыли быstroногая Васёна. Будит знахарка внучку, отпаивает её ароматным снадобьем, и всё журчит её тихая неразборчивая речь. Хорошо у бабки в избе, пахнет покоем и детством, мир и благодать разливаются внутри. Наконец-то нет страха: не тронет ночью Радуню ненавистный Минай.

Глава 10

Первые предсказания сбываются

— Девушки! Просыпаемся! Меряем температурку! Селиванова, готовь попку на укольчик, пора обезболивающее колоть.

Бодрая сестричка тут же вернулась с полным шприцем.

В больничном коридоре уже вовсю кипела жизнь: слышались шаги, голоса; хлопали двери.

В палату протиснулась толстая санитарка,

грохнула об пол тяжелое ведро — девятый вал выплеснулся на линолеум, слабо запахло хлоркой. Тряпка на шустрой швабре мигом разогнала море по полу, отправив тапки больных далеко под кровать. Нянька с легкостью подхватила ведро и боком удалилась за дверь, оставив её открытой. Анна Павловна, бурча под нос ругательства, предприняла несколько тщетных попыток зацепить тапки ногой. Пришлось отодвинуть койку.

— Давай принесу завтрак, — предложила она Лене, наконец обувшись.

— Нет, спасибо, я фрукты доем.

— Я няньку с судном пришлю, — пообещала Анна и зашаркала к раздаточной.

Лене вспомнился странный сон, и на душе стало легче. Неожиданно явилась мысль о Максиме: как он, думает ли о ней? Сердце отчего-то забилось быстрее. Размышления прервала сестричка. Взглянув на ртутный столбик, она предупредила:

— Приберитесь! Скоро обход.

Лену осматривал лечащий врач: осторожно размотал бинт, приподнял стерильную повязку и остался доволен.

— Теперь можно потихоньку вставать! — разрешил Александр Иванович. — Только не увлекайтесь, и никаких резких движений! Что? Сновидения больше не мучают?

— Мучают! — призналась Лена.

— Может, консультацию психиатра устроить? Как, вы не против? — спросил он, почесав затылок и сбив на лоб накрахмаленный колпак.

— Да! Я вас очень прошу! Пусть меня осмотрит. Может, я его больная! — грустно пошутила Лена.

— Вряд ли, — покачал головой доктор, — думаю, это посттравматический синдром. Со временем должен пройти, но лечиться надо.

Лена в душе ликовала — теперь ей можно вставать. «Вот придет Настя, мы вместе проведем Максима», — решила она, глядя через открытое окно в голубую высь чистого весеннего неба. Неожиданно мысли вернулись к ночным видениям. Что связывает её с несчастной девушкой, которая жила много веков назад? Или не жила? «Может, это плод моей фантазии? — размышляла она. — Нет, я ведь не знаю, что с ней будет дальше, мне даже самой теперь интересно. Но почему я не вижу Радуню, а ощущаю себя в ней? Я даже не знаю, как она, то есть я, выгляжу! Знаю только, что у неё длинные русые косы, она тоненькая. Ой! Я же видела отражение в воде! Да эта Радуня просто красавица, но мы с ней вовсе не похожи. А бабушка действительно ворожея, защитила внучку. Бабушка Манефа! Почему так щемит сердце, когда я думаю о ней? А как же родная бабушка Ирина? Ведь я

люблю её, и живём мы в одном городе, но редко видимся, и почему-то всегда думаю о ней спокойно.

Что со мной происходит? Почему мне хочется скорей уснуть, чтобы оказаться в доме Манефы, услышать её журчащий убаюкивающий голос, увидеть ясные глаза, почувствовать ласковое прикосновение её рук, вдохнуть особый, травяной, запах бабушкиной избы? Почему мне так хорошо и сладко на сердце?!».

Мысли разлетелись, как осколки.

— Мама! Мама! — вразнойой восклицали двое.

Молодые мужчина и женщина в смешных бахилах и голубых шуршащих халатах только что протиснулись в дверь, обвешанные объёмными пакетами.

Анна Павловна после осмотра доктора решила вздремнуть, напрочь забыв о предсказаниях странной соседки. Сейчас, разбуженная шумом, привстала на локте, с изумлением безмолвно взирая на сына и женщину, которую видела только на свадебных фотографиях.

— Мама! Что ж ты всё хвораешь? — поцеловал сын родительницу в щёку, не выпуская поклажу из рук. — Мы тебе гостинцев привезли, чтоб поправлялась быстрее.

— Павлуша! — вскрикнула наконец мать, целуя небритую щёку сыночка. — Приехал-таки! Я

не хочу гостинцев, я домой хочу! — забеспокоилась больная, поглаживая руку сына. — Вы меня разве не заберёте?

Супруги переглянулись, и Павел успокоил:

— Ты лежи, не волнуйся, а мы с врачом поговорим, узнаем всё как да что. С тебя ещё гипс не сняли, а ты домой засобиралась.

Анна Павловна заплакала от разочарования. Сын с невесткой поспешно загрузили тумбочку продуктами, фруктами, бутылками сока и, взяв у расстроенной матери ключи от квартиры, пообещали прийти вечером или завтра («Ты же понимаешь, мы прямо с дороги. Нам помыться надо, еды купить — в холодильнике-то пусто!»). Родственники ушли, а Анна опять улеглась на ненавистную койку и, отвернувшись к окну, собралась тихо всплакнуть, но ей помешали. В палату стремительно вошла рослая черноглазая медсестра с медицинской ванночкой в руках. Сломав горлышки ампул пальцами и набрав в шприцы препарат, она мгновенно уколола одну больную, потом другую.

— А вы не перепутали лекарства? — запоздало поинтересовалась Лена, потирая проспиртованной ваткой мягкое место.

Сестричка метнула в неё тёмный взгляд:

— У вас одинаковое назначение! — и поспешно скрылась за дверью.

— Странно, нас одинаково лечат? — вслух удивилась Елена. — Надо спросить на ночном дежурстве. Что вы об этом думаете? — обратилась она к соседке.

Та не ответила.

— Анна Павловна! Вы не переживайте! Я же говорила, что родственники приедут сегодня. Сбылось ведь?! Значит, заберут они вас отсюда, причём очень скоро, возможно, завтра.

Соседка не поддержала разговор, даже не обернулась: может, не хотела отвечать, а может, уснула. Лена закрыла глаза и представила себя в избушке бабушки Манефы. Вот сейчас история продолжится. Но видение не приходило, спать не хотелось, к тому же разболелась голова. Боль всё усиливалась, мешая сосредоточиться на мыслях.

За стеной прогрохотала тяжёлая тележка, наверное, с огромными кастрюлями — подошло время обеда. Лена решила самостоятельно совершить поход по коридору в поисках врача или медсестры, чтобы сделали обезболивающий укол. Касаясь рукой стены, она медленно двинулась в сторону процедурной, но кабинет оказался закрыт. Пришлось идти дальше. Шаги давались всё труднее, кружилась голова, темнело в глазах от тупой боли в области травмы. Она заглянула в приоткрытую дверь ординаторской — за столом обедал весь медицинский персонал. Лена

схватила за створку и, не успев произнести ни слова, сползла на пол, потеряв сознание.

Глава 11

Сон о Радуне: Минай тацит сноху домой, нападение всадников

Пробудилась Радуня внезапно: взвилась с лавки от страшной хлёткой боли. Навис над ней разъярённый свекор, замахнулся для очередного удара вожжой, рядом с ним малолетний муж, бледный от испуга. Схватил Минай сноху за косы, накрутил их на руку, потянул за собой. Что ему слёзы жертвы и испуганный рёв сына! Торопится мужик по тропинке скорей от избы, пока не вернулась ворожея. Боится её, оттого и хоронился в кустах, выжидал, когда уйдёт прочь Манефа. Ухватила сноха за голову, придерживает волосы, бежит, склонив голову набок, земли под собой не видит. Застыло сердечко от страха, чувствует расправу впереди. Где же ты, бабка Манефа, защитница моя? Споткнулась Радуня о камень, падает на колени — подвешенная за косы, не распласталась на земле. Сердится свёкор, рвёт за волосы вверх. Брызжут слёзы из глаз, вскакивает Радуня, готова снова бежать. Но что это?!

Трясётся земля. Свист, гиканье, ржание коней.

Испуганный вскрик Варнавы... К ногам Радуня подкатывается большая грязная репа. Не тянет её больше свёкор за волосы, а вокруг храпят и фыркают лошади, спрыгивают бородатые всадники. Девушка пятится от гарцующего перед ней коня с пеной на удилах и ... натывается на репу. Ужас шевелит её растрёпанные волосы: снизу глядят на неё оловянные глаза Миная, ощеренный рот застыл в безмолвном крике. Взлетает Радуня на коня, подхваченная чьей-то сильной рукой, падает животом на потный круп. Ничего не видно вокруг, только мелькают копыта и сухая трава. Резво скачет конь, раздуваются крутые бока, подпрыгивает в такт Радуня, свесив безвольно руки и ноги, теряет дыхание, проваливаясь в спасительную темноту.

Глава 12

Под капельницей

Лена открыла глаза — над ней доктор и медсестра Валерия. На руке под лейкопластырем игла капельницы.

— Что случилось? — с трудом разлепились губы.

— Испугала ты нас, — облегчённо вздохнул Александр Иванович. — Сейчас тебе лучше?

— А что было-то? — повторила вопрос Лена.

— Потеряла сознание на пороге

ординаторской, вот приводили тебя в чувство. Я разрешил вставать, но зачем так ходить далеко?! Что хотела?

— Укол обезболивающий.

— А разве днём не сделали? — удивился доктор и посмотрел на Валерию.

— Сегодня мне Галя в процедурной помогала.

Лена вдруг вспомнила, как днём были сделаны уколы:

— Александр Иванович, а вы нас с соседкой одинаково лечите?

— Нет, конечно, — удивился доктор. — А почему ты так решила?

— Так Галя сказала, когда нас колола.

Врач и сестричка переглянулись, Валерия подошла к Анне Павловне, потрогала пульс:

— Ей ввели ваше снотворное и обезболивающее — пусть высыпается.

— Я же просил главврача эту Галю уволить! Такая халатность уже второй раз! Неужели надо ждать третьего раза, летального? Пойду всё-таки к Артуру Левоничу, — решительно заявил доктор и вышел.

Валерия проверила капельницу, спросила, болит ли голова, нет ли тошноты и головокружения, и, получив отрицательный ответ, тоже покинула палату.

Лена действительно почувствовала себя

лучше и теперь вспомнила то ли сон, то ли видение, то ли бред. За недолгое время её бессознательного состояния она столько успела пережить! Теперь она похищена неизвестными, и её везут куда-то. Что же произошло? Кто эти люди? Неужели больше не видеть ей бабушки Манефы?! Она и не заметила, как снова уснула.

Глава 13

Надо провести Максима

Интересное сновидение прервал весёлый голос Насти.

— Ну, ты и соня! Всё спишь. Кушать не забываешь? Хотя сон, говорят, лечит. Мы все по тебе соскучились, да и трудно без тебя — заказов сейчас, как всегда весной, тьма. Работаем за себя и за тебя. Наташку в отпуск не пустили, представляешь? А у неё какие-то планы были, — не переставая болтать, Настя выкладывала из огромного пакета принесённое угощение на тумбочку. — Тут тебе моя мама паровых котлеток наделала, сейчас буду кормить тебя, пока не остыли. Да, ездила сегодня в универ (шеф по делам отправил в главный офис, вот я и воспользовалась случаем), сдала, наконец, наши с тобой контрольные, узнала сроки сессии. Представляешь, уже в июне, с восемнадцатого. А ты успеешь

поправиться?

Лена удивилась, что не почувствовала, как убирали капельницу. А была ли она вообще? И теряла ли она сознание, или ей всё это тоже привиделось?! Нет! Вон соседка до сих пор лежит в такой же позе — спит, даже Настин звонкий голос не смог её разбудить.

— Насть, ты оставь котлетку и фрукты, что там ещё принесла, мы с тобой должны сегодня проведать Максима! Я очень тебя ждала!

— Вот поешь сначала, потом поговорим! — подруга усадила Лену, подперев её спину подушкой, и начала её кормить.

Лена так соскучилась по домашним котлеткам, что с удовольствием съела две вместе с салатом из свежих помидоров и огурцов под майонезом; на десерт оказался любимый черничный йогурт, и вдогонку отправился стакан апельсинового сока. Настя приготовилась накормить подругу ещё и слоеными пирожками с повидлом, но Лена взмолилась:

— Всё, не могу больше! Ты меня раскормить хочешь? Нет, нет и нет! Я наелась! Спасибо, Настя! Теперь собери что-нибудь для угощения и пойдём!

— Нет, ты, подруга, определённо что-то скрываешь! Это не чувство вины тебя толкает к нему. Боюсь, дело тут в другом! Меня самую любопытство разбирает: что там за Максим, что

тебе смог так понравиться! Пойдём сейчас же, только тебя надо в порядок привести.

Лена осторожно опустила ноги с кровати, намереваясь подойти к небольшому зеркалу над раковиной.

— Я что, совсем плохо выгляжу? — расстроилась она.

— Косметика у тебя есть? — спросила Настя, оценивающе разглядывая бледное лицо подруги.

— Откуда? Все мои вещи где-то здесь на хранении, и сумка тоже. Я как-то не догадалась попросить принести её.

Лена увидела себя в зеркале и покачала головой:

— Ты права, не стоит мне показываться в таком виде — он меня всё равно без волос не узнает! Ещё испугается. А знаешь, сходи к нему сама. Передай от меня привет и гостинцы. Только смотри, не очень там!

— Что, не очень? — засмеялась Настя. — Ты заранее ревнуешь? Так я могу и не ходить, чтобы не искушать.

— Нет уж, сходи. Спроси, как он. И возвращайся быстрее.

Анастасия сложила в пакет часть фруктов, завернула в фольгу пару котлет и, подмигнув Лене, вышла из палаты.

На соседней кровати заворчалась соседка:

— Как хочется есть! Скоро обед?

— Так уже и ужин прошёл. Вы всё проспали, — ответила Лена.

— Так что, уже вечер? — удивилась Анна. — А который час?

— Наверное, девятый. Ко мне Настя в полвосьмого пришла.

— Бог ты мой! Это сколько я спала?! — ужаснулась соседка. — Такого ещё со мной не было.

— Вы, если хотите, возьмите котлетку и пирожки сладкие, вон у меня на тумбочке лежат, — предложила Елена.

— Спасибо! Надо посмотреть, что сын принёс, разобрать пакеты.

Она присела перед тумбочкой и зашуршала кулками. Что-то хрустнуло, запахло копчёной колбасой.

Лена закрыла глаза и представила Максима: вот он лежит под одеялом в кровати, ест из рук Насти вкусные котлетки и смотрит на неё благодарными синими глазами. Она слегка занервничала, но скрипнула дверь, и в палату вернулась озадаченная Анастасия с тем же пакетом в руках.

— Что? — испугалась Лена. — Он умер?

— Нет! Что ты! — покачала головой Настя.

— Выписали?

— Нет пока!

— Да что тогда случилось? Тебя не пустили к нему?

— Да нет же!

— Так что тогда? Говори! — рассердилась Лена.

— У него какая-то фифа расфуфыренная сидит, кормит его; и он с ней даже очень мило беседует. Я только сунулась в палату, увидела её и ушла.

Лена откинулась на подушку и задумалась.

— Ты не расстраивайся. Значит, не твоя это половинка, — пыталась успокоить её подруга. — Ты мне лучше расскажи, как твоя голова, продолжают ли сниться тебе страшные сны.

— Голова не болит, когда делают уколы; а сны продолжают сниться. Вот доктор обещал ко мне психиатра привести для консультации.

— Вот и хорошо. Ты не спрашивала, сколько обычно с твоей болячкой лежат?

— Нет. Завтра обязательно спрошу. Насть! Знаешь, ты завтра всё-таки съезди к бабушке за ключом и расскажи ей обо мне, пусть придёт, проведает. Только смотри, не пугай! А сама больше не приходи, готовься к сессии, а то из-за меня ещё не сдашь.

— А ты как же с сессией?

— Подойду потом в деканат с выпиской из

больницы, подскажут, как быть. Может, разрешат осенью сдать и весеннюю сессию, а может, сама с преподавателями договорюсь. Мне бы только выбраться отсюда! Да! Настя! Выполни ещё одну просьбу: к выписке купи мне паричок симпатичный!

— О! А давай мы из тебя блондинку сделаем, этакую, с роскошными длинными прямыми волосами, как будто твои, но ты их покрасила.

— Не выдумывай, — улыбнулась Лена. — Ничего экстравагантного, что-нибудь подобное моему цвету и стилю.

— Стилю! — возмутилась Настя. — Может, пришло время стиль поменять?

— Пока не буду! — упрямо повторила Лена. — И, пожалуйста, без выкрутасов!

— Ладно, поправляйся, я всё поняла и сделаю в лучшем виде, а завтра, возможно, Ирину Ивановну приведу.

Глава 14

Продолжение истории жизни Радуни: чужаки в деревне, сбор дани, плен

Утро началось, как обычно: термометры под мышки, укольчики в попки.

Лена наконец-то почувствовала в себе силы,

достаточные, чтобы самостоятельно передвигаться по палате. Она умылась, рассмотрела себя в зеркале и осталась весьма недовольна: бескровные губы, тусклый взгляд, тёмные мешки под глазами, вокруг головы чалма из бинтов. Вспомнились строки из песни времён гражданской войны: «Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой земле», и Лена вслух сказала своему отражению:

— Ну, и кому такая красавица теперь нужна?!

— О чём ты там? — переспросила соседка.

— Да так, о своих впечатлениях! — ответила

Лена.

После завтрака перед утренним обходом врачей обе лежали в кроватях, молчали. В палату заглянула медсестра, предупредила:

— Срочная операция — обход откладывается! Смотрите, чтоб не расходились, и порядок был: ничего на тумбочках и кроватях лишнего. Не расслабляться!

— Ну вот. Теперь лежи, и всё тут. Чем заниматься? — проворчала Анна Павловна. — И дети вчера вечером не пришли. Придут ли сегодня?

— Придут! И вас заберут! — заверила Лена.

— Как же! Сейчас обрадуюсь! — не сдавалась соседка. — Скучно как... И телевизор в холле не посмотришь!

Лена промолчала, думая о Максиме.

Оказывается, не свободен её спаситель. И что это она себе возомнила?! Впервые почувствовала к мужчине какую-то тягу, незнакомую до сих пор. Конечно, дружила в одиннадцатом классе с Серёжкой, провожал её после дискотек, даже целовались несколько раз. Но никакого чувства она не испытывала, кроме, конечно, дружеского, и целоваться было совсем неинтересно и невкусно. После окончания школы они перестали встречаться. Серёжка видел, что Лена всё больше отдаляется: поступила на работу, появились новые знакомые и другие интересы. И он не стал надоедать, потом собрался в армию. Лена из вежливости явилась на вокзал проводить. На прощание Сергей попросил разрешения писать ей письма, зная заранее, что ответа на них не дождётся.

На работе молодые люди оказывали Лене знаки внимания, но она была со всеми холодна: любовные интрижки её не волновали.

Встреча с Максимом всколыхнула её душу, занимала мысли.

— Лена! Слышишь? А тебе продолжение снилось? — долетел до неё голос соседки. — Может, расскажешь?

— Да! — откликнулась она. — А на чём я остановилась?

— Вроде к своей бабушке собиралась сходить, подлечиться, ещё говорила, что она у тебя ведьма.

— Не ведьма, а ведунья, — поправила Лена.

Соседка не поняла разницы, но спорить не захотела:

— Ну, так что там дальше?!

И Лена начала рассказ, как бабка Манефа лечила её, как освободила от беременности, как утром, когда бабки не было дома, явился свёкор и потащил её за волосы домой, как напали на них всадники, срубили голову ненавистному Минаю и похитили её, взвалив на лошадь.

— Очнулась я в клетке на соломе со связанными руками и ногами, рядом корова мычит, за стеной чужие грубые голоса, ржание коней. Слышу, вроде уезжать собираются. Думаю, может, забудут обо мне. Так нет! Вошёл молодой мужик огромного роста с длинными русыми волосами и красным шнурком вокруг головы, посмотрел на меня, ухмыльнулся плотоядно, взвалил на плечи и вынес на воздух, как молодую овечку.

Вижу — двор соседей моей матери, посреди три телеги. На них снопы ржи, свежие туши овец, бочки мёда, холсты, кухонная утварь, и к одной привязана корова. Меня свалили на холсты, снопами обложили, чтоб на землю не упала. Лежу и смотрю: гладкие кони чужое сено жуют, чужие мужики — их больше десяти — в хороших расшитых рубахах (в таких в деревне не ходят), с мечами на боку. Ещё четверо чужаков во двор

сгоняют моих односельчан, среди них мать и братья, свекровь и Васёна, а Варнавы нет.

Выходит вперёд мой похититель — видно, он главный — объявляет всем, что теперь два раза в год будут дань собирать с каждого двора, и перечисляет, значит, что должен приготовить каждый двор к осени. Бабы и дети в рёв, мужики возмущённо гудят. А чужаки вскочили в стремяна и с гиканьем и свистом пустили коней трусцой. Тронулась и телега подо мной. Я поравнялась с Васёной — она ближе всех стояла — и как закричу что есть силы. Не знаю, смогла ли услышать она меня за грохотом телег, цоканьем копыт и другим шумом, но взглянула в мою сторону.

Я лежала в снопах и тихо плакала, покидая родные места, до полусмерти напуганная неизвестностью. Мысленно прощалась с бабкой Манефой, матерью и братьями. Ехали вдоль леса не спеша, временами солнце ослепляло меня, потом пропадало в листве. Я то жмурилась, то открывала глаза, и всё плакала о своей горькой судьбе. Так я и уснула. Разбудили меня крики и топот. Спорили рядом. Я поняла, что вернулся дозор и что недалеко ещё деревня. Решали, как поступить. Самого молодого оставили сторожить телеги и меня, все остальные поскакали через поле за добычей, — Лена умолкла, переводя дух.

— А что дальше? Рассказывай! — поторопила

Анна. — Ты продолжение видела?

— Да. Стала я кричать, воды просить. Никто не подходит. Попыталась ослабить верёвки на руках и ногах — сил не хватило, скатиться вниз тоже не получилось — снопы под боками мешают. Лежу куклой наверху — надо мной на ветке воробей клювом крылышко чистит, рядом со мной лошадь фыркает, телегу трясёт, а людей, вроде, нет! Только крикнула я «спасите», как телега дёрнулась, и надо мной безусый парень возник. Глаза любопытные, корчагу показывает. А мне как пить лёжа? Усадил он меня, напоил квасом. Я ему связанные руки показываю, прошу: «Развяжи! Убегать не стану!». Присел он рядом и спрашивает:

— А как звать тя?

— Радуней! — отвечаю, а сама думаю, как сбежать, пока остальные не вернулись. — А тебя как величать?

— Петром кличут! — отвечает и всё меня рассматривает.

— А куда вы меня везёте? — спрашиваю.

— Не знаю. Куда всю подать, туда и тя!

Помолчал мой сторож немного, грызя соломку, и опять интересуется:

— А кто тя тащил? Отец?

— Нет, — говорю, — свёкор. А зачем вы его убили? — спрашиваю. — А отрока куда дели?

— Куда сь убежал — мал, испужался. А

свёкра жалко? Он же тебя бил.

— Нет, не жалко, — отвечаю, — худой человек был. Пётр! Развяжи — руки болят, ноги не чувствую!

Парень прыгнул на землю, обошёл телегу кругом, действовать никак не решается.

Стала я проситься под кустик в лес как можно жалобнее. Сверху смотрю, а он с мечом к телеге идёт. Зажмурилась я от страха; чувствую, смерть пришла; в колени голову спрятала. А внизу шум, удар и шёпот: «Радуня, не бойся! Это я, Мирон». Открываю глаза — надо мной родное лицо старшего брата. Перерезал он ножом путы на мне, стащил с телеги. А несчастный Петр лицом вниз на земле лежит. От слабости я и села рядом. Брат подхватил меня на плечо и, изредка оглядываясь, ринулся напрямик вглубь леса, торопясь уйти как можно дальше. Ветки рвали мои волосы, били по спине, и я быстро пришла в себя. Теперь я могла бежать, держась за руку брата. Внезапно на поляне Мирон остановился и приложил палец к губам. Я услышала вдалеке странный шум. Он быстро приближался, превратившись в громкий треск. Встревоженные птицы взмыли вверх и с громким криком улетели. Брат потащил меня в сторону за большой куст орешника. Там и сидели мы, крепко обнявшись, когда на поляну, круша кусты, выскочил дикий кабан. Он был такой огромный и

страшный, что я закричала. Кабан замер, повёл чёрным рылом и бросился в нашу сторону. Рядом валялась коряга, Мирон с ней и выскочил навстречу зверю. Я не видела, что случилось дальше, потому что от страха зажмурила глаза, но возня, хрюканье, удары повергли меня в ужас. Когда всё стихло, я отважилась выглянуть из укрытия. На земле на боку лежал бледный брат, зажимая живот руками, по пальцам на траву стекала тёмная кровь. Туша кабана валялась рядом, из пасти зверя торчал кусок палки, и оттуда пульсировала кровь. Огромные клыки были тоже красные. Я бросилась к Мирону — он прошептал:

— Уходи, Радуня, уходи! Скажешь братьям, чтобы меня забрали. Торопись! Беги домой!

Я понеслась через полянку в лес, стараясь двигаться в том же направлении, куда бежали до этого с братом. Потом я решила свернуть направо, чтобы выйти из леса, найти наше поле и оттуда вернуться в деревню. Я то бежала, то шла, а конца лесу всё не было. Силы покидали меня, и я всё чаще садилась на землю, только страх за себя и тревога за брата заставляли меня вставать и с трудом плестись вперёд. Я подгоняла себя: «Только бы успеть! Только бы найти бабу Манефу! Она вылечит брата!».

— Девушки! Вы все здесь? Операция закончилась, сейчас Александр Иваныч на обход

придёт. Поправьте постели, приведите себя в порядок. Не бегать! Всем лежать! — скомандовала высокая анорексичная медсестра. Когда дверь закрылась, соседка спросила:

— Так ты успела спасти брата?

— А вы ещё не уснули под мои истории? — улыбнулась рассказчица.

— Нет, что ты! Мне очень интересно! А этих рэкетиров больше не видела?

— Рэкетиров?! — удивилась Лена. — А и правда, эти ребята похожи на рэкетиров: тот же разбой, тот же сбор дани в назначенный срок...

Глава 15

Продолжение истории жизни Радуня: блуждание по лесу, и снова похитители

Врачебный осмотр начался с Анны Павловны. Медсестра доложила, какое давление у больной, температура — всё в норме. Доктор присел на койку и вполголоса спросил, есть ли жалобы. Женщина будто этого ждала: принялась сетовать на судьбу, мол, больше месяца здесь и хочет домой, а чувствует себя прекрасно, только сильно чешется под гипсом кожа. Доктор и больная продолжали разговаривать. Лена лежала и думала о том, что

тоже соскучилась по своей квартире, из которой выскочила почти десять дней назад, даже не предполагая, что обратно вернётся не скоро. Она думала о том, что в то злополучное утро судьба несколько раз посылала ей знаки: остановись, поведи себя по-другому. Но Лена упорно не хотела замечать их и стремилась к... (она в мыслях не смогла придумать название тому, к чему она стремилась) да потащила ещё с собой бедного, ни в чём неповинного человека, который оказался на больничной койке из-за её глупости. Хорошо ещё, не погибли, ведь если бы «Мазда» двигалась с большей скоростью, то от них бы ничего не осталось! «Значит, кто-то из нас всё-таки счастливый, что оба остались живы, — пришло ей на ум. — Наверное, Максим! Нет, он, наоборот, невезучий, если со мной связался. Не остановись он у лифта, был бы сейчас здоров, свободен, занимался своими делами! А если он невезучий, то тогда из нас двоих, получается, я везучая? А что? Может, так и есть: я встретила Максима, он мне помогал, а в машине всё рассматривал меня, поэтому и ехал медленно. Тем более, я не виновата, что у него было мало бензина. Иначе мы бы вообще вместо больницы попали к моей бабушке! Что-то я запуталась совсем! Кто из нас двоих всё-таки везунчик? Нет, лучше не думать. Что-то и вправду с моей головой происходит, а может, именно так

сходят с ума?!» — испугалась Лена. Она очнулась от размышлений: доктор обещал Анне, что если сын принесёт корсет, то сегодня же снимут гипс и отпустят её домой. Процедура анамнеза теперь повторилась с Леной. Она ни на что уже не жаловалась, только тоже заговорила о выписке.

— Дурной пример заразителен, — пошутил Александр Иванович. — Вас ещё не осматривал психиатр, — напомнил он.

— А может, вы меня выпишете, а я сама к нему обращусь? — предложила Лена.

— Рано засобирались домой! Ещё надо полное обследование провести, а это займёт в лучшем случае дней пять. И вот если приборы покажут положительную динамику всех функций головного мозга, то тогда будем думать о выписке. Но не забывайте: впереди вас ожидает долгий реабилитационный период, и лучше, если вы в санаторий съездите. Это я вам нарисовал картину при благоприятном исходе, и я надеюсь на это: операция прошла удачно, и сейчас ваше состояние не внушает опасений. Думаю, — доктор ободряюще похлопал её по руке, — всё будет отлично. Вы, наверное, в рубашке родились. В такую передрыгну попасть и отделаться, можно сказать, лёгким испугом, даже красоту свою не испортили, — улыбнулся врач и добавил, поднимаясь со стула: — А консультация с психиатром назначена на завтра.

— Доктор, — неожиданно для себя сказала Лена. — А вы лечите и мужчин на втором этаже?

— Да! — удивился Александр Иванович. — А кто вас интересуется?

— Тот человек, с которым я в аварию попала. Не знаете, он сильно пострадал?

— А! Я понял, о ком это вы. Так его забрали от нас и перевезли в другую клинику.

— Всё так плохо? — встревожилась Елена.

— Когда увозили, он чувствовал себя вполне сносно, — ответил доктор, попрощался и вышел из палаты, сопровождаемый миловидной свитой.

На соседней кровати тихо лежала Анна, глядя в потолок. Лена забеспокоилась:

— Как вы? Может, водички дать?

— Нет. Я вот не знаю, как сообщить моему сыну, чтоб купил мне этот корсет да забрал меня, — всхлипнула она. — Почему он не пришёл вчера вечером? Почему он сейчас не идёт?

— Так утром, кажется, не пускают! А вчера мог не успеть. С дороги всё-таки! — пыталась успокоить соседку Лена.

Анна Павловна немного полежала, над чем-то размышляя.

— Эх, был бы у меня телефон! — вздохнула она.

— Так попросите позвонить из ординаторской! — предложила Лена.

— Так некуда звонить, так и не поставила домашний, а сотовый разбился вместе со мной.

— Попросите у медсестёр сотовый!

— Я у сына впопыхах вчера забыла номер записать, — пожаловалась она. — Я ведь ему отсюда письма писала. Не писать же ему снова! В общем, как ни крути, а придётся ждать вечера. Может, объявятся родственники, тогда и поговорим. Лен! Ты где там?

— Здесь! Куда я с подводной лодки? — отозвалась девушка.

— Ты не уснула? Может, опять свой сон смотришь? Что там дальше, видела?

— Видела немного.

— Так расскажи. А то придут мои, заберут меня, и я продолжение так и не узнаю! — взбодрилась она надеждою.

— Ну, бежала я по лесу, бежала, а выйти из него никак не могу. Деревья кругом незнакомые, становится всё темней и страшней. А голод! Просто грызёт изнутри. Стала я собирать ягоды, какие под ногами да на кустах нашла. От кислоты оскомины зубы сводит, живот от голода разговаривает. Стала оглядываться, вижу — заблудилась! Села под развесистый куст и заплакала так горько: брата не смогла спасти и себя погубила. Скоро ночь — загрызут дикие звери, и не увидать мне больше ясна солнышка, бабки Манефы и матери с братьями. Так

и уснула там, где сидела. Разбудил шум. В свете луны хлопает крыльями сова, глядит на меня круглыми жёлтыми глазами и садится на пень. Потопталась на круглой площадке, будто место выбирает для отдыха, снова захлопала крыльями, взлетела и стала надо мной кружить, да так низко, кажется, сейчас в волосы вцепится. Я вскочила, руками голову накрыла, она сделала надо мной круг и медленно полетела между деревьями. Я — за ней, думаю, зовёт меня за собой. А сова отлетит немного и присядет то на сук, то на ветку, то на пенёк, будто меня поджидает. У меня сон как рукой сняло. Интересно и боязно, куда она приведёт. Вскоре в лесу стало светлеть, и сова теперь отдыхала реже, а я, гоняясь за ней, ноги в кровь посбивала о сосновые шишки и острые камни. Когда совсем рассвело, сова куда-то пропала, и я осталась одна. Присела отдохнуть на кочку, задремала и как заору. Кочка оказалась муравьиной кучей. Как я вертелась, прыгала, чтобы сбить с себя муравьёв! А они везде щекочут и кусают. Не помня себя, бросилась прочь от этого места и, представляете, вылетела на опушку леса прямо к моим похитителям, среди которых, кстати, был и Пётр, и выглядел он вполне здоровым. Они мирно завтракали между двумя телегами, сидя на земле вокруг импровизированной скатерти. Вкусно пахло жареным мясом. Моё стремительное появление

привело всех в дикий восторг. Как они заулюлюкали, загалдели! От неожиданности я остолбенела, потом повернула назад и бросилась наутёк.

— Девочки! Быстренько обедать! — прокричали снаружи.

— Позже поедим, рассказывай! — попросила Анна.

— А дальше я не знаю. Ещё не видела. Так что пойдём, захотелось горяченького. Борщом пахнет.

Глава 16

Анну забирают домой

Лена удобно устроилась в постели лицом к стене для просмотра новой серии сна — полный желудок располагал к этому, но ей помешали.

— Боже мой! Корсет! Мои вы родненькие! Как узнали, что мне корсет нужен?! — громко радовалась Анна.

— А мы вчера встречались с твоим доктором. Он сказал, какой именно требуется, и адрес специального магазина дал. Так что мы тебя сегодня забираем! — говорил весёлый тенорок.

— Ой, мои вы дорогие! Сыночек! Как я рада! Вот счастье! — продолжала восклицать соседка.

— Мама! А у нас для тебя сюрприз! —

тайнственно начал Павел.

— Ничего не случилось? — встревожилась Анна.

— Случилось! Только хорошее! Ты скоро станешь бабушкой! — торжественно произнёс сын.

— Лена! Лена! Ты не спишь? — закричала соседка. — Всё сбылось! Представляешь? Всё, что ты сказала, так и получилось! И внучка у меня будет!

— Как это внучка? — возмутился Павел. — Пацан будет! Никаких девок! Первым должен быть пацан-защитник, а потом уже кого хотите! — разрешил он.

Лена всё слышала, и сама удивлялась, как смогла так точно угадать.

Уснуть, как ни старалась, не удалось: то ли снотворное перестали колоть, то ли в палате было слишком шумно, пока собирали домой соседку. Так и прошёл тихий час в хождении Анны туда-сюда, в хлопанье дверей, шуршании свёртков, звяканье посуды. Наконец переодетая соседка тронула Лену за плечо и стала прощаться:

— Выздоровливай и больше не попадай сюда! Жаль, не узнаю, чем там у тебя всё закончится, но, может, когда-нибудь свидимся! Слушай! А ты не можешь нам ещё что-нибудь предсказать?

— У вас всё будет хорошо, — заверила Лена, садясь в кровати.

— А как мы внучку назовём? — настаивала Анна.

— Сами имя придумаете. Зачем подсказывать? Хорошее будет имя, красивое! — упорствовала Лена, желая поскорее остаться одна.

— Вот, видите? — говорила, покидая палату, Анна. — Эта девушка предсказывает будущее. Она мне всё сказала правильно, и про внучку тоже!

— Мама! Я же тебе сказал: па-цан! — послышалось из коридора.

Лена с облегчением вздохнула и вернулась к подушке, но сон не шел. За окном щебетали весенние птицы, во дворе натужно урчал мотор машины. Снова скрипнула дверь — санитарка шлепнула стопку чистого белья на стул, собрала в узел постель с освободившейся кровати.

— Скоро, девонька, новенькую привезут из реанимации, так что недолго тебе скучать, — говорила она, расправляя чистую простыню.

Лена отвернулась: ей, наоборот, хотелось побыть одной, подумать в тишине о себе, о том, что с ней происходит.

Теперь стукнул шпингалет, распахнулась вторая створка — в палату въехала каталка. Её поставили вплотную к свободной кровати, опустили, и больная, поднятая под мышки и за ноги, безучастно переместилась на постель. Носилки на колёсиках исчезли, но появилась

капельница, её установили перед новой соседкой. Медсестра входила и выходила: регулировала вентиль, проверяла пульс. Суэта раздражала, не позволяла уснуть. По коридору прогремела тележка с кастрюлями, зычный женский голос позвал всех на ужин. Лена собиралась с духом, чтобы встать, когда в палату влетела Настя, а за ней робко вошла пожилая женщина, ещё довольно интересная, с умелым макияжем на лице, который скрыл, вероятно, около десяти её лет, одетая в модный брючный костюм фишашкового цвета и белые туфли на каблуках. Она осмотрелась и, стараясь не шуметь, на цыпочках приблизилась к Лене:

— Алёнушка, внученька! Как же так случилось?! Как ты, деточка? Сильно страдаешь? Тебе больно?

— Бабушка! Со мной всё давно нормально! — бодро заверила Лена. — Вот уже домой сегодня просилась.

— Ну и что? Отпускают? — с надеждой спросила Ирина Ивановна.

— Доктор хороший. Сначала глубокое обследование перед выпиской сделает, посмотрит, нет ли осложнений.

— А что, могут быть осложнения? — забеспокоилась бабушка.

— Да какие осложнения? Только что пуля в голове осталась, — пошутила внучка.

— Какая пуля?! Боже мой! — не поняла Ирина Ивановна, оглядываясь на Настю. — Я об этом ничего не знаю! В Леночку стреляли?

— Да нет! Что вы! Это она так шутит! Пуля — в смысле тараканы в голове.

Настю испугало выражение лица побледневшей женщины, и она поторопилась объяснить:

— Это у неё после операции какие-то видения начались. Правда, она их в тайне держит, но обещала рассказать всё после выписки. Давайте, Ирина Ивановна, накормим нашу Лену, чтобы быстрее поправилась, а то здесь еда, знаете, какая! Она ничего практически не ест.

— Ем я, — возразила больная.

Но это не помогло, и с двух сторон на неё набросились бабушка и Настя, в четыре руки пичкая принесёнными деликатесами, пока Лена не замотала головой:

— Не хочу! Всё! Я наелась! Оставьте меня в покое!

Она устало откинулась на подушку.

— Тебе плохо? — встревожилась бабушка.

— Нет! Нормально всё, только сегодня не удалось днём отдохнуть: соседку выписывали, родственники суетились, а сейчас привезли новую.

— Да, вот тебе ключи от квартиры. Ой, я ещё тебе паричок прикупила, — вдруг вспомнила Настя

и полезла в сумку. — Посмотри, какой симпатичный.

Лена взяла в руки блестящие длинные тёмные волосы с прямой чёлкой.

— Спасибо. Это то, что я хотела. Ну вот, завтра осмотрит меня психиатр, голову просветят, и домой, в свою кроватку, — сладко потянулась она.

— А зачем психиатр? Я не поняла! — всполошилась бабушка.

Лена пожалела, что сказала лишнее, и на ходу сочинила:

— Так здесь после операции на голове всех психиатр проверяет.

— Правда? — засомневалась Ирина Ивановна. — Ну ладно, отдыхай, хорошо кушай, спи больше, а я к тебе завтра приду. Так что тебе из еды принести?

Глава 17

Новая соседка с огнестрельным ранением

Лёжа в сумерках, Лена вспоминала встречу с Максимом, снова видела на фоне огня летящую кубарем красную «Оку».

Она проснулась, когда загорелся свет — соседке ставили вторую капельницу. В палату часто

входили, проверяя состояние больной. Лена то закрывала глаза, то открывала, когда становилось светло. Мучение закончилось вместе с лекарством в капельнице. Лена сползла с постели и приблизилась к соседней кровати. Здесь спала молодая женщина с туго перебинтованной грудью. Её бледное лицо с тонкими чертами поразило особой, изысканной красотой. На подушке вокруг головы разметались пушистые пряди длинных золотистых волос. Внезапно закружилась голова, перед взором поплыл туман. Лена, цепляясь за стены, с трудом добралась до постели и упала на подушку. Её замутило, а перед открытыми глазами пошли картины, как кадры замедленного фильма.

Вначале появилась незнакомая лестничная площадка: на полу в крови — молодая белокурая женщина. По ступенькам в обнимку поднимаются парень и девушка. Они замирают перед жутким зрелищем. Девушка дико визжит, выскакивают соседи из квартир, старичок вызывает милицию. Приезжает «скорая помощь», пострадавшую перекладывают на носилки, а опергруппа начинает осмотр территории и опрос свидетелей: дрожащей от страха девушки и высокого черноволосого парня, бледного и растерянного.

Лена повернулась на бок, отгоняя наваждение, крепко зажмурила глаза, и кадр сменился. Теперь возникла операционная: из груди раненой

извлекают маленький предмет и бросают в ванночку. Слышится металлический стук, и Лена догадывается: это пуля.

— Что ж такое? Лезет всякое в глаза, невозможно уснуть! — вздыхает она и видит перед дверью в реанимацию лечащего врача в компании невысокого плотного незнакомца средних лет с чёрной папкой под мышкой. Доктор разрешает посетителю поговорить с больной несколько минут в присутствии медсестры:

— Пара вопросов, и не больше! Не утомляйте её, ей это вредно!

Мужчина присаживается на стул рядом с кроватью и спрашивает:

— Вероника Сергеевна! Вы видели, кто стрелял в вас?

Раненая почти беззвучно отвечает:

— Нет.

— Может, знаете, кто это мог быть?

— Не знаю, — еле шевелятся губы.

— У вас есть враги? — мягко настаиваетследователь.

Вероника устало прикрывает глаза и молчит. Кажется, она уснула. Медсестра трогает мужчину за плечо и жестом указывает на дверь. Следователь нехотя уходит.

Лена открыла глаза — за окном глубокая ночь.

— За что мне всё это?! Скорей бы утро!

Заметалась соседка, слабо застонала. Елена дотянулась до кнопки вызова — через пару минут явилась заспанная медсестра, широко распахнув дверь, пошла на красный огонёк:

— Зачем звала?

— Она стонет! Ей, кажется, плохо!

— Всё в порядке, не беспокой по пустякам! — проверив пульс больной, с раздражением сказала Марина (это имя значилось на бэйдже).

— Скажите, её Вероникой зовут? — спросила Лена.

— Маврыкивной, — съязвила сестричка, намереваясь покинуть помещение.

— В неё стреляли? — не сдавалась Елена.

— Да, огнестрельное!

— Я никак не могу уснуть. Мне перестали колоть снотворное?

— Если не сделали, значит, нет назначения.

— Может, тогда таблетку дадите?

Марина, подавив зевок, изучающе взглянула на Лену. «Если больная не уснёт, то и мне не даст», — прочиталось в её глазах, и она ушла за снотворным.